

АВТОР БЛАГОДАРИТ ШКОЛУ
ПИСАТЕЛЬСКОГО И СЦЕНАРНОГО
МАСТЕРСТВА VAND ЗА ПОДДЕРЖКУ
И ВДОХНОВЕНИЕ.

ПО СТЕПИ
ШАГАЛ
ВЕРБЛЮД

Йана Бориз

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— Если не будешь закрывать за собой двери, они перестанут перед тобой открываться. — Караван-баши Сабыргазы сверкнул зубами и взглядом приказал Чжоу Фану вернуть на место поворотный камень над подземным лазом.

Сам тоже помог — навалился здоровым плечом. Услышав глухой щелчок, довольно выпрямился и кивнул помощнику, мол, пойдём. Они вынырнули из мрачного склепа, сложенного из пяти разновеликих куполов. Вокруг под охраной обветренных, сглаженных временем камней спали древние плиты капища. Наверное, здесь захоронили целую династию. Посередине — самый широкий мазар*, не меньше трех жэней** в диаметре, с провалившейся крышей; со всех сторон от него цветочком — мазары повыше и поуже, восьмиугольные, овальные и квадратные, сложенные из разных пород.

* Мазар — «место, которое посещают» (*араб.*). Вообще мазаром у мусульман называется мавзолей над могилой святого. Кочевники обустраивали небольшие мавзолеи над могилами своих родственников. Возведение мазаров — одна из вековых казахских традиций обустройства родовых кладбищ и почитания предков.

** Жэнь — мера длины, равная приблизительно 2,5 м.

Там, где искрошился мягкий песчаник, зияли дыры, а тускло поблескивающий, отшлифованный ветром гранит стоял как ни в чем не бывало. Кое-где еще удавалось различить резьбу, а в стрельчатых проемах даже сохранились кусочки мозаики. Несуразное в итоге получилось строение, но дивное, рядом с таким человеческая жизнь казалась с песчинку, а мысли, напротив, обретали вес и плотность.

— Сабыр-ага*, а что, если на стоянке нас ждут солдаты? — Худошавый китаец подобрал упряжь и взял в повод огромного черного верблюда.

— Не бойся, Калкан-Кулак**, не ждут. У нас с ними договор. — Сабыргазы сделал знак пальцами здоровой левой руки, и верблюд послушно опустился на колени.

Осторожно, боясь потревожить раненую правую, висящую на груди грязным коконом повязок в люльке разорванного пополам платка, караван-баши уместился между горбами, цокнул; степной великан встал и побрел вдоль каменистого берега Аягуза. Чжоу Фан не так ловко, но все же справился со своим транспортом и потелепал следом.

— Идрис не вернется, ждать не будем, — кинул Сабыргазы через плечо.

— Как?

— Не повезло ему. — Обычно словоохотливый караванщик темнил.

— Он жив, агай? — Из вспотевших рук выскользнула уздечка, пришлось обнимать пыльный горб, искать ее в свалившейся шерсти.

* Ага, агай — обращение к старшему мужчине (каз.).

** Калкан-Кулак — лопоухий (каз.).

— Да, жив. Не бойся, Калкан-Кулак. — Баши* зло рассмеялся. — Вон глаза какие стали.

Младшая сестренка не раз, смеясь, говорила Чжоу Фану, что его глаза в минуты испуга имели свойство превращаться в спелые смородинки под удивленными веточками бровей, но он ничего не мог с этим поделать. Вот бы купить лисий малахай, как у караван-баши, надвинуть на брови, чтоб только плоский нос торчал и никто бы не замечал выглядывающих из узких щелок опасений или сомнений. Сразу получился бы не простенький крестьянский паренек, а лихой джигит. А в плоской китайской шапочке он заурядный ушастый недоросль с длинными руками.

— Ладно, мне помощник нужен, куда я один с раненой рукой, — продолжал караван-баши, — ты вместо Идриса поможешь. Без рахмета** не оставлю.

Веселый Идрис, всегда одетый с ног до головы в черное, как степной ворон, очень нравился китайцу. Добрый джигит, удалой. В обмен на душистый чай подарил высокий войлочный ак-калпак*** с отогнутыми краями, замечательно скрывавший лопухость. Родился Идрис в России, кажется в самой столице. Потом семью сослали в Тургайские степи за участие в каких-то восстаниях, и парень пошел по денежному пути караванщика.

* Баши — голова, руководитель.

** Рахмет — спасибо. Сабыргазы обещает благодарность, награду.

*** Ак-калпак — национальная киргизская шапка из войлока.

Теперь образованный человек протира́л чапан* в седле, но это маленького китайца вовсе не касалось. Жаль, если с таким хорошим попутчиком приключилась беда.

— Он жив? — снова спросил Чжоу Фан, и голос предательски скатился в сип.

— Жив, жив, не бойся, тебе говорю. В тюрьме он... Пока... А ты вместо него. Просто поможешь с товаром и получишь цену дюжины верблюдов.

Ох ты! Целой дюжины! Так и разбогатеть недолго. Китаец поспешил отвернуться, потому что глаза-смородинки умели выдавать не только испуг, но и радость. Вслух сказал:

— Благодарю. Но было бы щедрее с вашей стороны назначить цену повыше.

— Да ты в своем уме? Я и так потерял большую партию. Думаешь, Идриса с пустыми руками взяли? Как бы не так! Мне теперь полгода отрабатывать, таскаться по степям туда-сюда. А ты если будешь мне помогать вместо него, то станешь самым богатым женихом в Кульдже!

— О! Благодарю, Сабыр-ага, мне пока жениться рано. Вот цена трех дюжин — самое подходящее. — Когда следовало торговаться, Чжоу Фан своего не упускал, не зря слыл лучшим учеником расчетливого Сунь Чиана. Пока добрались до каравана, договорились на цене двух дюжин.

На стоянке действительно царил покой. Неуклюжий рассвет разлил над зеркалом Балхаша блюдо с малиновым киселем, и озеро обиженно

* Чапан — национальная верхняя одежда в виде длинного халата у народов Средней Азии.

разрумянилось, зарделось, пока холодные воды не смыли радужные разводы с поверхности. Два длиннобородых купца и четверо погонщиков, приставленных к каравану, суетились у костра, никто не спросил, куда и зачем отлучались путники.

Караван собрался небольшой, его снарядили четыре торговца: трое отправили своих приказчиков — двух бородачей и пегого коротышку, а четвертым поверенным выступал сам Чжоу Фан, чем чрезвычайно гордился. Но это еще не все: Сунь Чиаан, его патрон, застолбил поездку — значит, их клеймо в этот раз главное, а сам лопухий — фактически третий человек в экспедиции после караван-баши и его незаменимого Идриса. Вот она — по-настоящему большущая ответственность.

Всю дорогу от Кульджи до гостеприимных Тургайских степей Чжоу Фан волновался только о товарах — первостатейных шелках для улады бледных российских красавиц. Теперь к тревоблениям добавилась ответственность, возложенная на худые плечи дерзким и ненасытным Сабыргады. Караваны во всякие времена считались прибыльным делом. Ленивых и слабых в дорогу не брали — ни людей, ни животных. И монета звенела. Так зачем же еще сверх положенного наваливать себе на горб? Хотя... с такими капиталами недолго ему сидеть в помощниках, быстро свою торговлю откроет. Тогда совсем другая песня начнется.

Сорок груженных верблюдов, повозки, лошади, ишаки — все зашевелилось, заскрежетало, запылило и тронулось в путь. Впереди Семипалатинск, Павлодар, Петропавловск. Последняя точка — село

Сыростан в Челябинской губернии. Там главный заказчик Сунь Чиана. Остальные купцы по пути распродают, многие отвалются. А Чжоу Фану брести с баши до самого конца. Поэтому тот и выбрал его в помощники. Ну и еще потому, что смышлен.

Сабыргазы опытен, всю жизнь провел на караванной тропе, многое повидали раскосые желтые глаза под лисьим малахаем. Выгоревший чапан едва сходится на груди, так распирают его широкие плечи. Батыр. С китайским языком хорошо управляется, пересыпает речь шутками и прибаутками. Земляк, родился где-то под Чэнду, потом переехал поближе к сказочной Бухаре. И по-русски хорошо говорит. Или так только кажется лопухому?

Сам он тоже старательно учит русский, записывает в тетрадку неудобные толстые буквы. Сначала пытался укладывать новые знания с помощью привычных иероглифов, но не получилось: больно трудный язык, витиеватый, неподатливый. Никогда не знаешь, надо рычать раскатистым «р» или ласкаться покладистым «л». Но самое страшное — русские слова менялись как вода, текли. У китайцев язык прочный, слова неизменные. А в русских словах каждый раз новое окончание. Разве все запомнишь?

Еще русские делят свои слова на инь и ян. Зачем? Жуткая неразбериха. Трава у них почему-то «она», а песок — «он». Или наоборот? С какой стати это деление? Это ведь не люди. И как могло случиться, что «солнце» почему-то стало уродливым «оно»? Как возможно такое кощунство? Откуда

вообще берется «оно», видано ли такое в природе? Это хорошо, что караванщику не нужно много слов: важно, чтобы с каждым — казахом, узбеком, уйгуром, русским или немцем — мог перекинуться парочкой фраз, выяснить про дорогу, опасности и некстати взлетевшие цены. Остальное для души. А в городах, куда важно шествовали караваны, сидят опытные торговцы, вполне сведущие в местных языках и нравах.

Чжоу Фан не причислял себя к уткоголовым. В родной Кульдже он слыл сначала прилежным учеником, затем подающим надежды торговцем. Отец гордился наследником, щурил в улыбке узкие глаза. И мать радовалась, хвасталась сварливым соседкам успехами лопоухого сына. Ну да, полупрозрачные розовые уши, как крылышки мотылька, торчали по обе стороны круглой головенки, что ж скрывать. Хотя под этой степной шапкой и не видно. Надо и дома в ней ходить. Его мечта — открыть свою лавку, но это трудная задача: надо гору халатов сносить, всю степь вдоль и поперек исходить. Неплохо бы сначала обзавестись собственными верблюдами, получать с них прибыль и складывать в лакированную шкатулку с медными уголками, где у отца хранились все деньги (серебро вперемешку с бумажными ассигнациями), непременно посыпанные сверху рисом — к богатству.

Караван-баши отобрал для похода справных степных кораблей, особенно нравился Чжоу Фану вожак — черный горластый великан по кличке Каракул*. Глаза хищные, ноздри не знают покоя,

* Каракул — черный раб (каз.).

все вынюхивает, высматривает по сторонам, сторожит караван лучше псов.

— Каракул — самец, — объяснял Сабыргазы любопытным, — остальные по большей части кастраты. Поэтому они недрачливые, послушные, характер вялый. А Каракула лучше не задевать, упрется — с места не сдвинешь.

Чжоу Фан с почтением относился к животным. Первый раз увидав верблюда, лопоухий китайский мальчик принял его за дракона, спрятавшего крылья в смешной мешок на спине, чтобы по ночам доставать и летать над спящими домами Синьдзяня. Хмурыми вечерами пробирался он по кривым улочкам к обветшалому караван-сараю и, затаив дыхание, ждал, когда же замаскировавшийся зверь наконец высвободит их, взмахнет, закрывая любопытную луну, и взмоет вверх, превращаясь в одну из манящих звездочек.

Это похоронено в страшилках тонкоголосого детства. Теперь он вырос и с вьючными молчунами на «ты». Вот уже третий раз идет с настоящим караваном в далекую Россию. В трудной дороге человек и верблюд — братья, вместе захлебываются пасмурным небом, вместе глотают игольчатую занозистую пургу, вместе пьют сладкую родниковую воду с запахом неожиданного счастья. Без верблюда нет каравана. Без человека тоже. Первый навьючивает на горб тюки, а второй заботы, и телепаются по дорогам в погоне за чужими бесцветными мечтами, опадающими под ноги то росой, то песком, то несметным богатством. Выходишь в дорогу, а оказываешься на перепутье жизни. Ищешь за поворотом колодец, а находишь судьбу.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, а я в жизни ни одной байги* не проиграл, — ни с того, ни с сего похвастался Сабыргазы.

— Можно не поверю? — Чжоу Фан не желал выглядеть подлизой.

— А я таки не проиграл! Ха-ха-ха! — Караван-баши обнажил в смехе крепкие желтоватые зубы и стал похожим на волка. Так много зубов, того и гляди укусит. — А я знаю, почему ты не веришь: я не маленький, лошади тяжело.

— Да, верно, в скачках побеждает легкий всадник. — Нелишне проявить свою осведомленность.

— Так вот, а я не проиграл. Знаешь почему?

Лопоухий вежливо промолчал: хочет хвастаться — пожалуйста.

— Потому что я везучий! — Сабыргазы засмеялся еще громче, зубов стало еще больше, хотя этого, в общем-то, по природе вещей не могло случиться. — Везение в нашем деле необходимо, Калкан-Кулак. А ты везучий?

Китаец пожал плечами. Он и сам не знал. Наверное, да, раз Сунь Чиан его выделял. Но если начистоту, то выделял не просто так, а за усердие и сметливость, так что вполне может статься, что и невезучий.

Сопки парили разнотравьем и стрекозами, озеро дразнило приветливой гладью. Бородачи не спрашивали о пропавшем Идрисе, а баши в знак благодарности старался разнообразить их ужин, подстреливая зазевавшихся тушканчиков. Караван

* Байга — скачка по пересеченной местности на длинную дистанцию у тюркских народов.

без приключений добрался до Семипалатинска, там сели на баржу, поплыли.

В сопровождении праздных дум прибыли в уездный Павлодар — излюбленное место купцов, где горластые перекупщики — русские, татарские, китайские — старались сбить цены и одолевали расспросами. Еще недавно здесь лениво жужжал маленький форпост Коряковский, а теперь гордо подбоченились каменные хоромы в два этажа, расставили широкие руки мощные улицы, на которых нарядная публика праздновала короткое сибирское лето.

Чжоу Фан заметил, что русские любят все новое: вон и дорогу железную строят, и заводы, и пароходы по реке пускают. Сами наряжаются по последней моде, выписывают научные книги и модные журналы, торопятся всего отведать, все проверить и всем пресытиться. А китайцы ценят старое, привычное, холят и лелеют, что досталось от предков.

После Павлодара караван вдвое уменьшился. Часть поплыла дальше по воде в Омск и Тобольск. Ну и ладно, меньше попутчиков — выше цены. Щедрый ломоть товаров остался в высоких добротных лабазах местных купцов, а взамен на обратном пути каравану предстояло забрать векселя. По ним неразговорчивые подозрительные казахи с непременным насваем* за губой отсчитают молодых жеребцов и упругих, лоснящихся кобылиц, которых погонщики доставят в Кульджу.

— Мне надо встретиться кое с кем. — Сабыр-газы отозвал его в сторону. — Утром, до рассвета,

* Насвай — жевательный табак.

нагрузим Каракула, я тебя разбужу. Это недалеко. Я пойду вперед, ты подождешь с верблюдом. Если что-то пойдет не так, я сигнал дам. — Он засунул в рот два грязных пальца и свистнул по-разбойничьи так, что уши заложило. — Тогда уходи.

— А если нет?

— Что — нет?

— Если знака не будет?

— Тогда жди, я за тобой вернусь, поведем Каракула, разгрузим.

Чжоу Фан постеснялся спросить: а вдруг Сабыргазы не успеет дать сигнал, вдруг его свяжут, оглушат, подстрелят, в конце концов? Ведь случилась же беда с Идрисом. Слова уже сидели на самом кончике языка, но он их прикусил, не выпустил наружу. Говорит же караванщик, что везучий, значит, все равно не прислушается, только посмеется. Надо решать самому, а слова лучше попридержать. Не зря китайцы говорят: быстро открывай глаза, медленно открывай рот.

Но баши неожиданно добавил:

— А если вдруг совсем плохо, то ты за главного.

Подобная честь озадачила поверенного. С одной стороны — боязно, с другой — снова боязно. Как пить дать, не справится он, не запомнил всего, слушал наставления вполуха, да и не заплатят ему, как караван-баши. Но отказаться нельзя: как он тогда узнает, что ждать бесполезно и полагаться следует лишь на свою измученную недоверием голову?

Остановились на глинистом берегу, где темнели валуны — огромные, каждый с большой дом. Катились по руслу в неведомом тысячелетии и подустали, решили постоять на причале. Три или четыре

великана, сросшиеся вместе кровеносной системой многочисленных древесных корней и плотью слежавшегося грунта. Сверху и сбоку, нахально выкидывая ветки в разные стороны, росли деревья. Со стороны берега — ивы, спускавшие свои бесчисленные плети до самой песчаной отмели. Под этими камнями неустанное течение выбило большую пещеру, прикрытую плотной ивовой завесой.

— Хочешь посмотреть интересное место? — Сабыргазы подтолкнул китайца в выемку под камнями.

Чжоу Фан залез под едва набравшие сок ветви и обомлел: пещера оказалась сухой и просторной, под каменным навесом мог разместиться не только путник, но и ишачок с поклажей, а единственный вход прикрывала живая ширма из светло-зеленых нитей.

— Нравится? — Сабыргазы так гордился, как будто это он вырыл пещеру, а не могучий седой Иртыш, которому вообще нет дела до человеческих судеб.

Караванщик пошел вдоль берега и скрылся из глаз. Чжоу Фан поднялся на берег, дал Каракулу полизать соленую ладошку и стал ждать. Через четверть часа над пригорком показался лисий малахай. Все в порядке.

На встречу явились два русских джигита на грязно-белой лошади, запряженной в неказистую телегу. Один оказался проворным карликом с одутловатой шеей, он много и быстро-быстро говорил, поминутно шикая и оглядываясь. Второй — крепкий, статный, с кудрявыми темными волосами, торчавшими из-под заломленного набок картуза,